

О героической обороне Ленинграда написано много. И все-таки, мне кажется, о ней, как и обо всех наших городах-героях, следовало бы сказать еще больше, создать специальную серию книг-эпопей, богато иллюстрированных и красиво изданных, построенных на большом фактическом, строго документальном материале, написанных искренне и правдиво.

Г. Жуков

*От составителя**

Сейчас кажется, что так было всегда: многолюдье городских улиц, гудки машин и перезвон трамваев, яркий свет вечерних окон, летняя предвыходная суета на перронах вокзалов и станциях метрополитена...

«Конечная станция Рыбацкое», — объявляет механический голос в метро. Поезд вырывается из тоннеля, в окна вливается солнечный свет, и пассажиры, щурясь, выходят на улицу, где воздух пропитан влагой и речным ветром: Нева совсем рядом. Душу охватывает радостное ощущение простора, заставляющее спешить к автобусу или маршрутке, чтобы скорее покинуть суматошную площадь с зазывалами, ларьками, мусором и очутиться в ином — вольном и неторопливом загородном мире.

Город остается позади уже через несколько минут. Умытое недавним дождем Петрозаводское шоссе бежит вдоль железнодорожного полотна, по которому изредка промелькнет электричка на Мгу. Слева — сады, плавно сбегаящие к воде. Из зеленых кущей выглядывает сверкающий купол церкви св. Александра Невского. Усть-Ижора...

Именно здесь в далеком 1240 г. новгородский князь Александр Ярославич разгромил шведов, пытавшихся захватить земли между Ижорой и Тосной, за что и был наречен Невским. Эта территория вошла в состав Ореховецкого уезда Водской пятины Великого Новгорода. По берегам рек появились селения. В писцовых книгах 1500–1539 гг. упоминается деревня Борисовичи-на-Неве с дворами Микулки Климова и Кирилки Савина. В истоках Невы на Ореховом острове новгородцы построили крепость Орешек.

В XVIII в. шведы все же овладели приневскими землями, но в 1702 г., в ходе Северной войны, войска Петра Первого, переправившись на понтонах через Неву, вернули России берега Невы от Ладожского озера до Финского залива. С тех пор и поселок, возникший в двух километрах от Усть-Ижоры, носит название Понтонный.

* Опубликовано в журнале «Новый часовой», № 13, СПб., 2002 г.

После 1710 г., памятного взятием Петром Первым Выборга, угроза шведских нашествий на Петербург миновала, и началось активное освоение его окрестностей. Земли к востоку от Ижоры площадью 2569 десятин царь пожаловал своему сподвижнику, участнику Северной войны, генерал-майору Василию Дмитриевичу Корчмину. Так на Неве, рядом с Шлиссельбургским трактом, появились два поселения: сельцо Вознесенское (Корчмино) с господским домом и садом и деревня Новая.

Давно нет господского дома, но по-прежнему утопают в сиреневых палисадниках уютные деревенские домишки, а на крутом невском берегу возвышается колонна Корчминского воинского мемориала. Бесконечные ряды фамилий на памятных досках не дают забыть о самой страшной войне XX века, о наших отцах и дедах, стоявших насмерть в восточных воротах Ленинграда и ценой тысяч жизней не допустивших врага в город.

Отсюда открывается чудный вид на заречные дали, исчезающую за поворотом Неву, и ничто не напоминает о том, что творилось здесь 60 лет тому назад. Если б не эти имена, выбитые на каменных плитах, да пожелтевшая фотография красноармейца в пилотке, приклеенная кем-то к мрамору колонны...

Здесь не было боев: немцев остановили шестью километрами выше по Неве ополченцы четвертой дивизии. Но оттуда, от устьев Мги и Тосны, с Невского и Ивановского «пяточков» все плыли и плыли по течению разбитые шлюпки и баржи, плоты с ранеными, убитые солдаты и матросы. Их прибывало к корчминскому берегу, и местные жители вылавливали мертвецов баграми и хоронили в обширных братских могилах, не ведая зачастую имен и званий.

Ветеран Невского «пяточка» поэт Леонид Хаустов писал:

В Рыбацком по берегу девочка шла
Тропой, что к Неве протянулась,
А рядом в волнах бескозырка плыла,
И девочка ей улыбнулась.
Одна бескозырка, другая... И тих
Был воздух. Заря опустилась.
На Охте старушка заметила их
И медленно перекрестилась.

Автобус не задерживается у мемориала. Разве что в День Победы выйдут здесь старики-ветераны и медленно пойдут, опираясь на палки, к могилам. Сняв шапки, они молча постоят на холме, не замечая весенних красот. Они будут слышать гулкие разрывы снарядов и видеть за изгибом Невы растерзанную землю, ржавую от пороха и крови...

Помолчав, снова сядут в машину и поедут дальше, в Саперный, где на территории недостроенного завода «Ленспиртстрой» располагались в войну штабы дивизий, стояла артиллерия и отдыхали потрепанные в боях роты.

История этого поселка также насчитывает три века. Когда-то, в двухстах метрах от берега, здесь стояла шведская крепость

Штерншанц, имевшая форму пятиконечной звезды, а на месте «Ленспиртстроя» как раз и произошло сражение петровских войск со шведами. В XIX в. 1952 десятины ижорской земли арендовало у частных владельцев Главное инженерное управление для постройки военного лагеря с полигонами и фортификационными сооружениями. На случай приезда в лагерь императора была проложена дорога из Царского Села через Колпино — нынешнее Лагерное шоссе. Летом 1902 г. в Саперном лагере в присутствии Николая Второго был проведен большой сбор с «атаками» и «диверсиями» по взятию условной крепости Усть-Тосно.

Есть что-то непостижимо загадочное в событиях и названиях отдельных мест, предопределяющих их дальнейшую судьбу. Назвали, например, люди свои деревни Погостьем, Мясным Бором — и обернулось это через века тысячами неожиданных погостов, кровавой мясорубкой человеческих тел. Так и тренировочные сражения на Тосне стали предтечей труднейших боев Великой Отечественной.

...Август 1941 года. Немцы стремительно продвигаются к Ленинграду. Уже пал Новгород. 41-й стрелковый корпус, удерживавший Лужский рубеж, окружен. 24 августа враг занял Лугу.

25-го 39-й моторизованный, 28-й и 1-й армейский корпуса 16-й немецкой армии прорвали оборону нашей ослабленной 48-й армии и захватили Чудово и Любань, перерезав тем самым Октябрьскую железную дорогу на Москву.

29 августа 20-я дивизия овладела городом Тосно и станцией Саблино. Немецкое командование решило не штурмовать Ленинград, а окружить его плотным кольцом. Командующий группой армий «Север» создал две ударные группы: Красногвардейскую — с задачей захватить Гатчину и через Красное Село выйти к Финскому заливу, и Слуцко-Колпинскую под командованием Гепнера. В нее вошли 121, 96 и 122-я пехотные дивизии 28-го корпуса с танками 12-й тд. Развернутая у Ям-Ижоры, группа Гепнера должна была прорвать оборону нашей 55-й армии, сформированной из остатков 41-го корпуса, затем, двигаясь вдоль реки Ижора, захватить г. Слуцк (Павловск) и Колпино*.

Командующий Ленфронтом К. Е. Ворошилов приказал командарму 48-й армии Акимову во что бы то ни стало отбить Мгу. Спешно доукомплектованные 128-я и 311-я стрелковые дивизии с 1-й отдельной горнострелковой бригадой были усилены Первой дивизией НКВД, состоявшей из пограничников и переброшенной с Карельского перешейка. 168-я сд полковника А. Л. Бондарева была направлена от Ладожского озера под Колпино, а 4-я дивизия народного ополчения — из-под Красногвардейска (Гатчины) к д. Усть-Тосно на левом берегу Невы.

Последний поезд через Мгу прошел 27 августа. Житель пос. Мга С. Горшков вспоминал: «Самая страшная бомбежка произошла днем 27 августа. Мы, мальчишки, никуда не могли убежать

* Д. Гланц. «Битва за Ленинград». Астрель, 2008 г.

и лежали в канаве около дома, рядом с водонапорной башней и вокзалом. Казалось, что небо закрыто черной тучей. Самолёты кружили над станцией и расстреливали всё живое с брющего полета. Станция была разбита, движение остановлено.

«Однако 28 августа путейцы и саперы начали восстанавливать пути, и вечером этого же дня из депо была отправлена последняя сплотка паровозов с прицепленным к ней вагоном, в который набилось очень много народу.

Начальник дистанции пути М. Ф. Цурилов вспоминал, что уже слышался стрекот немецких мотоциклов, когда путейцы на своей дрезине рванули в сторону Рыбацкого.

Через несколько часов немцы перерезали железную дорогу на Мгу в районе Пеллы»*.

Как вспоминает бывший боец 1-й дивизии народного ополчения Л. К. Пашковский, 3-й полк этой дивизии 30 августа получил срочный приказ следовать на Мгу. Грузились спешно, без артиллерии: только ополченцы с личным оружием и пулеметами. На ст. Саперная эшелон был остановлен начальником станции: «Дальше ехать нельзя: во Мге немцы!» Командир полка принял решение выгрузиться и занять позиции в Саперном.

31 августа поступил новый приказ: полку возвращаться в Ленинград. Между тем, 31-го августа в 11 часов 20-я моторизованная дивизия г.-м. Цорна из 39 АК атаковала окраины Мги. В район Мги были направлены 1-я дивизия НКВД под командованием полковника С. И. Донского и 1-я горно-стрелковая бригада. Бои за Мгу шли 6 дней, но удержать станцию не удалось. Захватив Мгу, немцы продвигались вдоль Невы к Шлиссельбургу. Дивизия Донского потеряла в тяжелых боях более 4-х тыс. человек, но не смогла удержать Шлиссельбург. 8 сентября город был взят противником. Остатки 1-й дивизии переправились на правый берег Невы.

Верные своему принципу быстро и прочно закрепляться на достигнутых рубежах, немцы, захватив Ивановское, тотчас начали строительство блиндажей и дотов, используя шпалы и рельсы железной дороги. Другие подразделения 122-й пехотной дивизии перешли на западный берег р. Тосны по невзорванным мостам, заняли пос. Усть-Тосно и д. Новая и начали продвигаться к югу по второму противотанковому рву, минирова подходы к нему, возводя проволочные заграждения и насыщая свои позиции огневыми средствами.

В район Колпино была направлена 4-я дивизия народного ополчения. Сформированная из наспеч обученных добровольцев, слабо вооруженная дивизия уже встречалась с врагом на границе с Эстонией, отступала с боями и потерями к Луге и Гатчине, а 31 августа получила приказ двигаться к Колпино.

«Переход дивизии надо было совершить быстро, в ночное время, по рокадной дороге, идущей через Пушкин и Колпино, — вспоминал бывший начальник штаба 3-го полка И. М. Айзенштадт. —

* «Октябрьская магистраль. 9.09.2011 г.

Пушкин дивизия прошла спокойно. В городе в это время находился штаб 55-й армии, а в чьих руках Колпино — мы не знали. Перед вступлением дивизии в город начштаба майор Ермошин решил провести разведку. В дивизии было довольно много колпинцев, и я вместе с одним из них — сержантом В. Однолетковым, был направлен в город. В Колпино на улицах было пустынно, стояла мертвая тишина. У проходной Ижорского завода мы увидели вооруженных людей, это были рабочие-ополченцы, которые до прихода дивизии организовали оборону города своими силами».

«Утром 1 сентября полк в составе трех батальонов направился из Колпино в район деревень Новая и Усть-Тосно, занятый противником, — пишет в своих воспоминаниях бывший комиссар 3-го стрелкового полка Г. И. Середин. — После короткого боя мы выбили немцев из Новой и двинулись на Усть-Тосно. Мы были без артиллерии, располагая четырьмя ротными минометами и одним станковым пулеметом. Без поддержки артиллерии взять с ходу Усть-Тосно не удалось».

3 сентября полк получил приказ наступать выше по течению р. Тосны. «Мы вышли к реке напротив с. Покровское, — рассказывает бывший ополченец А. И. Новиков. — Здесь, у самой воды, располагались три кирпичных завода. Окопались. Штабеля кирпичей служили нам прикрытием. По ночам стали привозить лодки для переправы. Мы складывали их за штабелями. Наступление 4 сентября было внезапным и удачным. Пока немцы не очухались, полк первым форсировал реку и занял Покровское».

Однако успех 3-го полка не смогли развить другие части: дивизия была растянута вдоль Тосны и снять какие-либо подразделения — значило оголить оборону.

Противник собрал силы и под прикрытием авиации и артиллерии перешел в контратаку. Четыре дня и ночи шли ожесточенные бои за Покровское. 3-й полк был отрезан от берега и уничтожен. Командир 3-го стрелкового полка ст. лейтенант Чугунов погиб вместе с полком. Лишь несколько бойцов, занимавших «лисы норы» в круче берега, сумели вернуться к своим.

2-й полк должен был форсировать Тосну в районе мостов и наступать на Ивановское. Но огневая поддержка была очень слаба, и пехота залегла перед мостом.

Между тем приказы о наступлении следовали один за другим — с одними и теми же задачами, с теми же ограниченными силами:

...21 сентября: «4-й ДНО овладеть Ивановское, Покровское, выбить противника из противотанкового рва южнее Колпино»;

...23 сентября: «4-й ДНО овладеть противотанковым рвом в районе Колпинская колония, переправами в Усть-Тосно»;

...25 сентября: «86-й дивизии (бывшей 4-й ДНО) с бронеплощадками овладеть противотанковым рвом, форсировать реку Тосну, овладеть Ивановское»*.

* ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 5. Л. 37–38.

Задачи для одной истощенной дивизии явно невыполнимые.

Генерал-майор Л. В. Яковлев, принявший в те дни 169-й стрелковый полк 86-й стрелковой дивизии, вспоминал: «Передний край обороны проходил в сыром торфяном болоте. Бойцы лежали на поверхности болота, а единственным их укрытием были мох и кустарник ниже человеческого роста. <...> После кровопролитных боев полк понес большие потери в личном составе и вооружении, а занимаемая им оборона не имела каких-либо инженерных укрытий. Состояние полка было тяжелым, люди обессилены и находились в полной апатии и безразличии. Мы с капитаном Смородкиным обошли участок обороны полка и всюду натыкались на группы солдат, лежащих на мокром торфе и никак не реагирующих на обращения к ним».

Первое, с чего начал новый комполка, была организация бани и пунктов обогрева, где бойцы могли бы выпить горячего чаю и поесть. Но этих забот было недостаточно: штаб фронта требовал не только обороняться, но и наступать.

«Командование Ленфронтом, — отмечает д-р ист. наук А. П. Крюковских*, — руководствуясь указаниями Ставки ВГК, наряду с постановкой армиям оборонительных задач, постоянно ставило и наступательные. Фактически на протяжении всего сентября дивизии фронта на ряде участков пытались наступать, не имея для этого объективных возможностей. Подобная раздвоенность в действиях сыграла отрицательную роль и привела к большим потерям личного состава и боевой техники».

Потери 55-й армии на участке от Колпино до Невы в сентябре 41-го года составили 17 тыс. 194 чел. В состав армии последовательно вошли 168, 268, 70, 90, 125, 43 и 85-я стрелковые дивизии.

В ночь с 19 на 20-е сентября части НОГ** (115-я стрелковая дивизия и 4-я бригада морской пехоты) переправились через Неву и заняли плацдарм на левом берегу. Так образовался Невский «пятачок», известный мужеством своих защитников и невероятным количеством людских потерь.

Леонид Хаустов писал в 1968 г.:

Пулеметным освищенный ветром,
у немолчного грома в плену,
в ширину он был два километра
и совсем пустыки — в глубину.

.
Там дивизии таяли наши,
снайпер снайперу целил в зрачок,
но держался,
по-русски бесстрашен,
став легендой живой,
пятачок.

* Крюковских А. П. Оборона Ленинграда: сентябрь 41-го // Новый часовой. № 6–7. 1998.

** Невская оперативная группа.

А в 4-х километрах ниже по течению Невы, в устье Тосны сражались бойцы 55-й армии. И также таяли их дивизии, и также держались они, не пропуская врагов в город, но соединиться с героями «пяточка» им не удалось ни в 1941, ни в 1942-м году...

На 3 октября было намечено новое наступление. «Времени, отведенного на подготовку, было совершенно недостаточно, и штабы соединений не могли в него уложиться, — вспоминал генерал-лейтенант В. П. Свиридов. — Но, когда командир одной из дивизий доложил о неготовности своих частей и попросил отсрочки, командующий 55-й армии генерал И. Т. Лазарев ответил: — О часе наступления знает товарищ Сталин, и я не стану откладывать операцию. Если хотите, докладывайте сами»*.

В отсутствии наступательных действий противника наши неподготовленные атаки трудно объяснить целями обороны города. Обнародованные в последнее время документы свидетельствуют о другом: Ставку беспокоила не столько судьба Ленинграда, сколько стремление вывести из блокадного кольца войска.

«Мы требуем от вас решительных и быстрых действий, — телеграфировал И. В. Сталин Военному совету Ленфронта 23 октября 1941-го года. — Сосредоточьте дивизий 8 или 10 и прорвитесь на восток. Это необходимо на тот случай, если Ленинград будет удержан и на случай сдачи Ленинграда. Армия для нас важнее»**.

Но что, спрашивается, останется от армии, если 168-я дивизия потеряла в сентябре 7477 человек — весь свой состав, а 125-я в октябре — 5012? Общие же потери 55-й армии в октябре составили 17 тыс. 235 чел.***

И откуда брать пополнение, как не из самого блокадного Ленинграда, отправившего в начале войны на фронты Великой Отечественной более 300 тыс. чел.? И почему осажденный город так бездумно бросал на верную гибель своих защитников?

Ответ прост: в Смольном о них думали меньше, чем о личной сохранности. Раболепие перед Сталиным, прикрывавшее собственную некомпетентность в военных вопросах, отчетливо просматривается в записи телефонного разговора Сталина со Ждановым. Запись была обнаружена А. П. Крюковских в Российском центре хранения исторических документов и впервые опубликована в журнале «Новый часовой» (№ 10/2000 г., Санкт-Петербург). Вот выдержки из этого разговора.

«...Сталин: Надо выбирать между пленом, с одной стороны, и тем, чтобы пожертвовать несколькими дивизиями. Повторяю, пожертвовать и пробить себе дорогу на восток, чтобы спасти ваш фронт и Ленинград.

<...> Попробуйте из разных дивизий выделить группы охотников, наиболее смелых людей, составить один или два сводных

* Свиридов В. П. и др. Битва за Ленинград, 1941–1944 гг. Л., 1968.

** Румянцев Н. Блокада, свидетельствуют документы // Ленинградская битва 1941–44 гг. Санкт-Петербург, 1995.

*** ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10185. Д. 7. Л. 14.

полка и объяснить великое значение того подвига, который требуется от них, чтобы пробить дорогу. <...>

Жданов: Военный совет фронта не только не имеет никаких сомнений, но целиком с Вами согласен и ни перед какими мерами мы ни на минуту не остановимся».

Не останавливались действительно ни перед чем. Каждую ночь на передовую к Тосне выходили группы из 10–12 смельчаков — так называемые блокировочные группы. Вооруженные одними гранатами и автоматами, они были призваны разрушить вражеские доты, не пробиваемые 45- и 76-миллиметровыми снарядами. Мало кто из блокировщиков оставался в живых.

А наутро на Усть-Тосно и мосты снова шла грудью вперед пехота с винтовками наперевес, и как косою валил ее пулеметным огнем не вылезавший из своих укрытий противник...

«Не может пехотная дивизия с ее винтовками и пулеметами справиться с укрепленными районами противника, — учил тов. Сталин. — Надо сначала уничтожить укрепрайоны артиллерией и минометами, пустить после этого в ход танки и только вслед за танками пехотная дивизия может показать себя как необходимая сила».

«Будем перестраивать работу артиллерии так, как Вы указываете»*, — отвечал Жданов.

Все правильно говорил Сталин: первой вступает артиллерия, затем — танки, а уж потом пехота. На деле обстояло по-другому. Не осмелился А. А. Жданов доложить главнокомандующему, что огневые точки противника не выявляются до наступления пехоты, артиллерия маломощна, а танки, прибывающие с Кировского завода, не могут преодолеть собственные противотанковые рвы, вырытые в начале войны от Колпино до Невы.

И оставались неподавленными немецкие пулеметы, и захлебывались атаки в крови, и подбивались перед рвами бесполезные танки...

Из донесений 70-й стрелковой дивизии за 5 ноября 1941 г.**:

«Сформированы две блокгруппы, имеющие по три танка с бронесалазками, десять автоматчиков, пять саперов. 252-й и 329-й полки с блокгруппами пытались уничтожить дзот на южной окраине Усть-Тосно. Танки подбиты до проволоки. Пехота залегла под артиллерийско-минометным огнем перед проволочным заграждением».

К 18-му ноября в полках 70-й дивизии оставалось: в 252-м полку — 42 активных штыка, в 329-м — 70, в 8-м — 130. «Прибыло пополнение 800 человек, совершенно необученное. Винтовок на пополнение не хватает»***.

* *Крюковских А. П.* Оборона Ленинграда: сентябрь 41-го // Новый часовой. № 6–7. 1998.

** ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 21. Л. 282.

*** Там же. Л. 283.

Из донесений 43-й стрелковой дивизии: «12.11.41 дивизия вела бой за железобетонный мост в 50 м от реки на шоссе Усть-Тосно. Выделена блокгруппа в составе: 15 стрелков, 5 саперов, 3 химика, 1 станковый пулемет, 1 огнемет»*.

В 90-й дивизии был создан ударный батальон из 158 добровольцев и пяти штурмовых групп со станковыми пулеметами с задачей уничтожить огневые точки врага в районе кирпичного завода и противотанкового рва. Добиться успеха им не удалось. В документах дивизии за 17-е ноября сохранился доклад начальника штаба полковника Цуканова. В нем сказано: «Опыт предыдущих боев показал, что метод использования наших сил в настоящее время не дал нужных результатов, поэтому должен быть пересмотрен. Части дивизии несли большие потери, не выполнив поставленных задач. Не учитывался противостоящий противник, организация обороны, не уточнялись огневые средства. Отсюда — наступление вслепую. Неясности в обстановке пытались компенсировать введением в бой больших сил, что не оправдывалось обстановкой и приводило к большим потерям и нарушению в управлении»**.

Из донесений 268-й стрелковой дивизии за ноябрь.

«76-миллиметровые пушки образца 1930 г. не смогли разрушить огневые точки противника. Во время атаки ОТ были живы и открыли ураганный огонь по атакующим. Приданные три танка не смогли преодолеть противотанковый ров». 22.11. неудача разбирается Особым отделом армии. В следственных материалах, в частности, значит: «Среди комсостава отмечено неверие в успех операции». 2.11. на оперативном совещании комбат 947-го стрелкового полка т. Сухов заявил: «Произведенное сейчас сближение с противником считаю бесцельным. Мы можем потерять много людей, так как находимся в зоне чистого поля, сильно обстреливаемого огнем противника. Окопаться как нужно не сможем, а потому считаю, что сейчас производить наступление не следует». Особый отдел делает вывод: с таким настроением комсостав не мог мобилизовать свой личный состав на выполнение поставленной задачи, а только дезорганизовывал его»***. Как видно, критические высказывания на командирских совещаниях не одобрялись всесильным Особым отделом, а забота о людях, целесообразность сохранить их для будущих боев не принимались во внимание.

Буквально понятая «бдительность» доводила порой до абсурда. 15 ноября 1941 г. командир 103-го стрелкового полка 85-й стрелковой дивизии запретил пользоваться радиосвязью, чтобы не быть запеленгованным противником. Посылка донесений осуществлялась делегатами. Сколько погибло таких «делегатов» — одному Богу известно.

* ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 22. Л. 61.

** Там же. Д. 27. Л. 223.

*** Там же. Д. 1. Л. 20.

В армейском журнале боевых действий отмечено: «В ходе операции по очищению западного берега штабы частей и стрелковых дивизий показали свою беспомощность и слабое управление».

Последовала смена командующего. В ноябре 55-ю армию принял генерал-майор В. П. Свиридов. Однако тактика боев на Тосне не изменилась: штаб фронта требовал продолжения наступления, и лобовые атаки пехоты на неподавленные пулеметы противника продолжались. Потери армии в ноябре составили 20 тыс. 512 чел., но маленький поселок Усть-Тосно на берегу Невы с единственным каменным домом и оба моста через речку Тосну шириной 120 м по-прежнему оставались в руках врага.

Начались морозы. Появились обмороженные — по 25–30 человек в сутки. Люди круглые сутки находились вне укрытий и к тому же страдали от недоедания. Норма хлеба на передовой составляла 500 г, во втором эшелоне — 300. Раз в сутки выдавалась порция супа. С 19 ноября по 3 декабря 1941 г. армейским терапевтом зафиксировано «128 случаев отечной болезни, проявлявшейся в слабости, похудании, потере трудоспособности»*.

Поступил приказ о взятии противотанкового рва южнее Колпино: готовилось наступление на Красный Бор — тот самый поселок вблизи ст. Поповка, куда свозят нынче городские отходы.

Два противотанковых рва юго-восточнее Колпино глубиной 3 м и шириной 8 м не позволили немцам с ходу войти в Ленинград. Но эти же рвы на весь период блокады стали трудно одолимой преградой для войск Ленфронта, пытавшихся вырваться из кольца.

Первый ров начинался в Колпино у железной дороги на Москву и заканчивался на невском берегу между Корчмино и Саперным; второй — шел от пос. Ям-Ижора на Московском шоссе на северо-восток, пересекал Октябрьскую и Кировскую железные дороги и за «Ленспиртстроем» выходил к Неве. Только 2,5 км северного участка рва до грунтовой дороги на Ивановское находились в наших руках, остальные восемь с половиной, до самого шоссе — у немцев. За истекшие три месяца немцы возвели по обеим сторонам рва по три ряда проволочных заграждений и рогаток, множественные огневые точки, минные поля. Поселки Путролово, Ям-Ижору, Красный Бор, Феклистово, Никольское, расположенные на возвышенности, превратили в мощные опорные пункты и обстреливали из них артиллерийско-минометным огнем Колпино, Понтонный, Саперный, где находились наши батареи, штабы, медсанбаты. 70 % убитых на Усть-Тосненском рубеже погибли от осколков, 30 % — от пуль.

Бои за второй противотанковый ров начались 25 ноября и оказались невероятно тяжелыми для бойцов 70, 72, 56, 90, 125 и 268-й дивизий. Шли саперы, прорезая ножницами проходы в проволоке, за ними с возгласами «Вперед!», «За Родину!», «За Сталина!» бросалась с гранатами пехота. По сделанным кое-где

* Журнал боевых действий 55А. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 64. Л. 46.

траверсам переползали танки и, оказавшись по другую сторону склона, подрывались противником. Помочь пехоте они могли только пушками, когда имели снаряды, дальше вставала задача их эвакуации с поля боя — иначе они превращались врагом в новые доты.

Боеприпасов у немцев хватало, и неделя боев за ров стоила жизни тысячам наших бойцов. В полках осталось по 70–80 штук. Донесение 268-й дивизии от 1 декабря гласит: «В дивизии осталось 138 человек. Боевых действий дивизия вести не может».

7 декабря 125-й стрелковой дивизии удалось захватить 500 м рва. Из 180 человек в строю осталось 17.

Ст. лейтенант А. Ф. Забара был направлен в Ленинград за пополнением. Его назначили командиром только что сформированного лыжного батальона. По прибытии в часть, 18 декабря он был вызван в штаб дивизии. «В блиндаже комдива — генерал 55-й армии В. П. Свиридов, — вспоминает Алексей Фомич. — Он не проронил ни слова. Задачу ставил комдив.

— Немедленно выводите батальон на передовую! На рассвете, в 8.00, после артподготовки, при поддержке трех танков атаковать противника, взять противотанковый ров.

Проклятый ров! Его уже брали не раз. Он переходит из рук в руки. И вот снова... Сколько же людей еще тут угробим! И сколько батальон потеряет лыжников, даже не распределенных по ротам...

— Сигнал к атаке — ракета с южной окраины Колпино, — продолжал комдив. — В этот момент артиллеристы перенесут огонь в глубину обороны. А фашисты в этот момент выскочат из укрытий и щелей, откроют шквальный огонь по батальону. Уже было!

Я этого не сказал, только подумал. А вслух: — Разрешите внезапную ночную атаку без артподготовки и танков!

...Ночь. Война уснула. Тишину разорвало наше громкое „Ура!“. Врываемся в ров. Вот что значит внезапность удара! Не то, что в октябре — столько наших здесь уложили. Штабелями...

Ров наш. Но фашисты быстро опомнились. Опять огонь из минометов. Я ранен в шею и плечо».

В ходе наступательных боев за противотанковый ров в последнюю декаду декабря армия потеряла 25 234 чел.*

В конце декабря немцы отвели часть своих сил (409-й полк 122-й пехотной дивизии и 407-й полк 121-й дивизии) к Волхову: там начиналось наступление наших войск. 55-й армии удалось выбить противника из рва на участке от Ям-Ижоры до Октябрьской железной дороги. Враг отошел к Красному Бору.

Начались упорные бои за Красный Бор. Они оказались безуспешными: по-прежнему пехота шла на неподавленные огневые точки; взаимодействия с танками не было; пополнение с ходу вводилось в бой и погибало.

* ЦАМО. Ф. 411. Оп. 10185. Д. 7. Л. 117.

Красный Бор — этот небольшой, но хорошо укрепленный немцами поселок, пытались брать в феврале и в марте 1942 года, но самые настойчивые приказы командования Ленфронта и огромные потери результата не дали. «Красноборская операция, — пишет В. П. Свиридов*, — еще раз убедила нас в том, что наступление на одном направлении ограниченными силами при бездействии остальных участков фронта дает успех только в первые дни, когда в наших руках еще сохраняется преимущество внезапности и превосходство в силах».

Обвинение в бездействии соседей по фронту вряд ли справедливо. Выделять же приоритетное направление для наступления и, маневрируя имеющимися силами, концентрировать их на избранном участке — прерогатива Верховного Главного командования, которое в 1941–1942 гг. ею не владело. «Мы к тому времени еще не научились воевать», — признавался позже представитель Ставки генерал Н. Н. Воронов.

Всю первую военную зиму 55-я армия Ленфронта вела бои наступательного характера в устье р. Тосна и в противотанковом рву, а также южнее Колпино за поселки Путролово и Ям-Ижору, овладеть которыми удалось лишь в конце лета 1942 года.

К августу-сентябрю 1942 г. относится одна из крупнейших операций в битве за Ленинград — Усть-Тосненско-Синявинская, четвертая по счету попытка прорыва блокады.

Тогда Гитлер еще не потерял самоуверенной надежды овладеть нашим городом. Директива 145 от 23.07.42 года из штаб-квартиры фюрера гласила: «...группа армий „Север“ готовит взятие Ленинграда до сентября. Кодовое название „Фойерцаубер“ (дословно — „Огненное волшебство“. — *Примеч. переводчика*). Для этого использовать пять дивизий 11-й армии совместно с тяжелой и самой тяжелой артиллерией...»**.

После взятия Севастополя фельдмаршал Манштейн прибыл со своей армией под Ленинград. Штаб 11-й армии, разместившийся в пос. Ушаки, разрабатывал план штурма города.

Войска 55-й армии, начавшие наступление, предупредили его. Подготовка к наступлению была замечена немцами. Атаки наших частей 15–17-го августа в долине реки Б. Ижорка в направлении Октябрьской железной дороги были восприняты противником как отвлекающий маневр. «Основной удар, — пишет Ф. Хуземан, — должен последовать в другом месте. Это могло произойти только в устье р. Тосна».

18-го немцы отметили движение наших войск к линии фронта на р. Тосне и начали перегруппировку своих сил. Танки 12-й дивизии, следовавшие на Мгу, были остановлены в Саблино.

268-я стрелковая дивизия полковника С. И. Донского, выделенная для наступления, сосредоточилась в районе «Ленспирт-

* Свиридов В. П. и др. Битва за Ленинград. Л., 1968.

** Husemann F. Die guten Glaubens waren. Coburg, 1999. Пер. И. М. Дунаевской. 2002.

стройка». Ей было приказано взять Усть-Тосно, очистить от врага западный берег р. Тосна, овладеть мостами и пос. Ивановское на восточном берегу.

«19 августа в 6.30, — пишет Ф. Хуземан, — после сильного артналета русские начали наступление в направлении Кировской железной дороги большими силами. Начались сильные атаки русской авиации (бомбардировщики, штурмовики, истребители). Одновременно начался сильный артогонь по позициям пехоты, который становился все сильнее и превратился в огненный вал. Одновременно открыли огонь восемь канонерских лодок с Невы. С направления Новая подошли 20 бронекатеров вплотную к южному берегу Невы».

Из журнала боевых действий 268-й стрелковой дивизии.

«18 августа. КП штаба дивизии — Ленспиртстрой. Части в 3 часа заняли исходное положение. Саперы проделали проходы в проволоке и минных полях.

19 августа. Артподготовка, сближение пехоты с противником. Из Корчино вышла на катерах десантная группа.

В 12.40 947-й и 952-й полки пошли в атаку на западном берегу. В 13.00 катера высадили десант на восточном берегу Тосны.

Внезапность, стремительность действий нашей артиллерии и пехоты привели к отступлению противника. Наши ворвались в траншеи и, уничтожая противника, стали продвигаться вперед. Десант быстро распространился по восточному берегу, занял шоссе мост, продвигается по Ивановскому к церкви у перекрестка дорог. Для усиления в 14.23 был высажен второй десант: 5-я и 9-я роты 942-го полка.

947-й полк на западном берегу продвигается вдоль железной дороги, занял излучину р. Тосны, оседлал шоссе правее железной дороги.

952-й и 942-й полки захватили Усть-Тосно, затем 2-й батальон 952-го полка мелкими группами переправился на восточный берег Тосны через шоссе мост, 3-й батальон оседлал шоссе левее железной дороги.

19 августа части дивизии заняли положение на обоих берегах Тосны севернее железной дороги, но понесли большие потери: 947-й стрелковый полк потерял 70 % личного состава, 952-й — 60 %. Командиры подразделений не обеспечили освоение захваченных районов, занятие огневых точек, не ликвидировали оставшихся в тылу немецких автоматчиков».

В результате противник (по данным Ф. Хуземана — 6-я рота 2-го батальона 1-го полка полицейской дивизии СС) вновь занял свои траншеи в Усть-Тосно, а наша группа на восточном берегу оказалась отрезанной от основных сил дивизии. В штаб поступали лишь сигналы четырех радистов: Рувима Спринсона, Михаила Тютёва, Сергея Бубнова и Владимира Люкайтиса, корректировавших огонь дивизионной артиллерии. Наконец в эфире прозвучало: «Немцы окружают, бейте по нам!»

О героической борьбе бойцов 952-го полка (командир — майор А. И. Клюканов) на Ивановском «пяточке» сохранилась рукопись участника этих боев военфельдшера Ершова. Она датирована 20 апреля 1942 г. и озаглавлена «Бей врага поганого, как бойцы Клюканова!»

«60 часов без отдыха бойцы комбата Кукареко* бились с немцами, — пишет Ершов. — Они отразили несколько атак. В них швыряли гранаты — они ловили их на лету и бросали обратно. По ним били из минометов, из пушек; оглушенные, они откапывали друг друга из-под земли, перекликались: — Ты жив? — Жив! И снова становились на место».

Но живых на пяточке оставалось все меньше... Майор Клюканов использовал 8-минутную паузу в обстреле моста и перебежал с сотрудниками штаба полка на восточный берег. Свой КП он устроил в подвале под развалинами пивоваренного завода. В одной комнате был штаб, в другой размещали раненых.

«Клюканов собрал троих радистов, — пишет далее Ершов, — нескольких командиров, десятков бойцов и 13 раненых — весь свой гарнизон, все свое войско.

— Раненые, вы можете драться?

— Можем, товарищ командир!

Клюканов первым выбежал из подвала: немцы снова пошли в контратаку. Атаку за атакой отражал этот гарнизон. Некоторых ранило вторично. Но и с перевязанной головой, с простреленными руками люди продолжали бороться, зная, что прекратить борьбу может только смерть».

С западного берега пытались доставить защитникам «пяточка» продовольствие и боеприпасы, но редкие лодки достигали цели. «Общее количество разбитых лодок достигло 30», — комментирует Ф. Хуземан.

23 августа в бой включилась 136-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н. П. Симоняка. Дивизии ставилась задача очистки от противника оврагов на западном берегу, овладения железнодорожным мостом. Задача осталась невыполненной: немцы сопротивлялись так же упорно.

342-й полк переправился на восточный берег выше по течению р. Тосны по наведенному саперами мосту (звенья его были специально изготовлены в Усть-Ижоре).

Бывший командир 5-й роты 2-го батальона этого полка И. М. Душевский вспоминает: «Артподготовка проводилась всего 5–10 минут. Толку от нее было мало, скорее даже вред, так как стрельба с нашей стороны привлекла внимание противника к переправе. Сначала шли в полный рост вдоль насыпи железной дороги. Продвинулись метров на 600 — немцы начали обстреливать. Дальше передвигались ползком через проволочные заграждения и минные поля. Мы потеряли уже 70 % людей. Ночью саперы сделали про-

* Ст. л-т. Н. Н. Кукареко — командир 1-го батальона 952-го СП.

ход в минном поле, разрежали проволоку, и мы достигли немецких траншей. Здесь снова многих потеряли, но все же заняли траншеи и закрепились. Всего мы продвинулись на 2 км от Тосны, отражая в день по 5–6 немецких атак. Нас осталась кучка: в роте 14 человек, и те раненые».

Наши дошли до Пеллы. Но немцы получили подкрепление — группу Байера из Воскресенского — и расширить Ивановский плацдарм нам не удалось. Он имел 600 м по берегу Невы до устья Тосны и 400 м — до железной дороги. «То был не „пятачок“, — говорит участник этих боев А. И. Богданов, — это была „копейка“...»

Но выдохлись и немцы. 27 августа от Гайтолово начал наступать Волховский фронт. С Тосны были отведены 151-й пехотный полк, подразделения 12-й танковой дивизии и противотанковые пушки. «Битве было не видно конца, — пишет Ф. Хуземан. — Однако атаки русских были теперь (26 августа) уже не столь частыми и осуществлялись меньшими силами. Тем не менее из-за слабости наших сил в окопах их опасность не уменьшилась».

Из-за обоюдного истощения людских ресурсов бои на Тосне стихали. К 7-му сентября фронт стабилизировался. В наших руках снова были Усть-Тосно и небольшой плацдарм в Ивановском — северная часть села до пристани. Железная дорога на Мгу осталась у немцев.

В январе 1943-го года в результате успешной операции «Искра» было прорвано блокадное кольцо, освобожден Шлиссельбург.

Но узкая полоска суши, связавшая Ленинград с Большой землей, не могла обеспечить потребности города и армии. Все левобережье Невы от 8-й ГРЭС до Тосны за исключением двух небольших плацдармов — Невского и Ивановского «пятачков» — оставалось в руках врага.

Немцы по-прежнему удерживали Кировскую железную дорогу через Мгу и Октябрьскую магистраль через Саблино, обстреливали наши позиции с 8-й ГРЭС и Синявинских высот, из Красного Бора и Никольского.

Еще в приказе Ставки от 18 декабря 1942 г. на операцию «Искра» войскам предписывалось, после прорыва блокады и кратковременного отдыха, начать в первой половине февраля новое наступление с целью ликвидации мгинско-синявинской группировки 18-й немецкой армии. 55-й армии ставилась задача, наступая от Колпино вдоль железной дороги Красный Бор—Тосно, заставить немцев уйти из Синяино и Мги. Но пройдет еще целый год, пока это произойдет...

Непрерывные бои за Красный Бор и противотанковый ров перед Колпино велись с октября 41-го года. Здесь побывали почти все дивизии 55-й армии: 43, 46, 70, 85, 90, 125, 136, 168, 268-я... Их подразделения перебрасывались от Усть-Тосно к Красному Бору и обратно. В медсанбаты Усть-Ижоры и Понтонной потоками везли раненых то с берегов Тосны, то из-под Красного Бора. Пополнение, направляемое с востока через Ладогу, и за счет выписавшихся из ленинградских госпиталей не восполняло людских потерь.

«Все мы были удивлены этим сообщением*», — вспоминал начальник Ленфронта Б. В. Бычевский, — армия Свиридова под Колпино не являлась ударной группировкой фронта. Там (...) не было ни танковых, ни инженерных частей для усиления наступления». Надежда, как всегда, была на пехоту. Со снарядами, правда, в 43-м стало получше.

10 февраля в 8.40 утра после двухчасовой артподготовки из низины перед противотанковым рвом, получившей еще в 41-м горькое название «Долины смерти», пошла в атаку 136-я дивизия, переименованная после прорыва блокады в 63-ю гвардейскую. «На исходных выдох», — напутствовал бойцов комдив, — за Красным Бором — выдох!» Совершив трехкилометровый бросок, гвардейцы Симоняка ворвались в Красный Бор. 45-я гвардейская и 43-я стрелковая наступали на Саблино, но овладеть этой ключевой железнодорожной станцией не смогли.

23 февраля по льду через Неву на Ивановский «пяточок» переправился десант 56-й бригады, сформированной из кронштадтских моряков. Навстречу ему от торфоразработок на западном берегу Тосны наступали подразделения 46-й дивизии, но соединиться с десантом им не удалось. 56-я Осбр почти полностью погибла на восточном берегу Тосны.

19 марта возобновилось наступление на Саблино. В Красный Бор прибыли войска, орудия, «катюши». Солдаты, попавшие сюда вторично, не узнавали местности, не находили противотанкового рва: и ров, и «долина смерти» смешались в одно, изрытое воронками, вспаханное снарядами поле. Наступление не принесло успеха и в апреле было прекращено.

Не повезло и 314-му полку 46-й дивизии, атаковавшей в мае с Ивановское с целью расширения плацдарма. Ивановский „пяточок” был суровой школой для всех участников боев вблизи Усть-Тосно. Все эти солдаты смотрели не раз в глаза смерти, все теряли боевых друзей, все учились ратному делу и служили примером мужества», — вспоминал комдив 46-й генерал Е. В. Козик.

Лишь 17 января 1944 г. немецкие войска, избежав окружения, отошли на юго-запад.

Впереди было еще 16 месяцев войны, но на израненных, перепаханых снарядами берегах Тосны уже стояла непривычная, мирная тишина. Тогда в мир верилось с трудом: еще свежи были бомбовые воронки и братские могилы, и валялись всюду каски и гильзы, противогазы и неразорвавшиеся снаряды.

Время залило раны земли. Подзарос травой, сузился до невидимой тропы старый Шлиссельбургский тракт. Вместо него, ближе к железной дороге, проложили новое асфальтированное шоссе, по которому нескончаемым потоком несутся машины. За какую-нибудь минуту они проскакивают через Тосну, и никто из

* Приказом Ставки о наступлении 55-й армии (*Примеч. сост.*).

водителей не задумывается, что только что пересек Границу — между свободой и рабством.

Кем бы мы были, если бы не тысячи русских солдат, отстаивших эту Границу? Они лежат здесь: в болотистой низине перед мостом; на дне старого, полузаросшего противотанкового рва; в берегах задумчивой Тосны; под нарядными, посаженными в их честь елками.

Вечная им память...

